

После «Веры, Царя и Отечества»

Серафим Берестов

Первая мировая и последующая, Гражданская, разъединили российское офицерство. Потерянные и ошарашенные внезапными переменами, десятки тысяч военных встали перед мучительным выбором: кому служить — белым или красным? И какой быть их Родине? История распорядилась беспощадно. Вчерашние сослуживцы пошли друг на друга.

Лейб-гвардии Уланский Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полк. В центре: Николай II и Великая Княжна Ольга. 1914 год. В мае 1918 года расформирован по приказу Комиссариата по военным делам Петроградской трудовой коммуны. Позднее возрожден и вошел в состав Вооруженных сил Юга России — Белой армии

Счастливые люди...

«Солдат и офицеров, погибших в боях Первой мировой войны, можно считать очень счастливыми людьми» — эти слова давно, еще в 1990 году, я услышал от военного историка Александра Георгиевича Кавтарадзе. Тогда только вышли из печати мемуары легендарного генерала Слащова «Белый Крым». Подготовил, «пробил» им свет именно Кавтарадзе. Книга для жадно читающей тогда Москвы стала открытием. Еще большей сенсацией явилась основательно забытая личность самого автора воспоминаний, белого генерала, железной рукой оборонявшего Крым от красных. В конце Гражданской войны Слащов, «вешатель и палач», вернулся в эту самую «красную» Россию. Более того, преподавал тактику своим бывшим врагам в школе комсостава «Выстрел»!

В начале 1990-х сменялись идеологические векторы, и белый флер накрывал публику, особенно читающую. И вдруг острая тема: белый генерал, выбравший в итоге «красную» Россию... Я пришел к Александру Георгиевичу сделать интервью о герое его исторического исследования. «Почему вы считаете этих людей счастливыми?» — спросил я тогда. «Потому что они не дожили до Гражданской войны, — мягко ответил он. — Этим людям посчастливилось не выбирать...»

Александр Георгиевич знал, что говорил. Он был сыном бывшего офицера Царской армии, в Гражданскую ставшим военным специалистом в Красной армии.

Сам Александр Георгиевич — полковник-артиллерист, прошедший Великую Отечественную. Выйдя в отставку, профессионально занялся отечественной военной историей. Одной из самых близких для него тем стали события Гражданской войны. Невероятно, но во времена жестких идеологических ограничений ему удавалось возвращать недавнее прошлое почти без компромиссов. Собственно, Кавтарадзе и вернул нам само понятие — «военспецы», военные специалисты. А с ним — целый пласт отечественной истории.

«Бывшие»...

Кто они, военспецы? Те самые герои так бесславно закончившейся для России Мировой войны, офицеры и генералы, в силу осознанного выбора или обстоятельств оказавшиеся по «рабоче-крестьянскую сторону» фронта. «Бывшие» — и для республики Советов, и для своих недавних сослуживцев. Ирония судьбы: с военспецами связаны все победы Красной армии.

Кажется, Кавтарадзе всю жизнь пытался ответить на вопрос, почему наш некогда единый

офицерский корпус оказался в разных лагерях, а герои вчерашней войны с общим врагом принялись не менее героически истреблять друг друга.

Не знаю, ответил ли Александр Георгиевич на эти вопросы лично для себя: его не стало в 2008-м. Но Кавтарадзе удалось беспристрастно показать все многообразие мотивов русского офицерства, вынужденного делать выбор между очень плохим и ужасным. До сих пор, отвечая на вопрос о числе служащих в офицерском корпусе перед октябрём 17-го, принято ссылаться на Кавтарадзе — 250 тысяч человек. Читаем в главной, видимо, работе его жизни «Военные специалисты на службе Республике Советов»: «...сразу же выступили против Октябрьской революции с оружием в руках максимум 5,5 тысяч офицеров (то есть менее 3% от их общей численности). Даже эти приблизительные данные свидетельствуют о том, что точка зрения о “подавляющем большинстве” российского офицерства, выступившем с оружием в руках против Советской власти, не имеет реальной основы... Что же касается действительно подавляющего большинства военных, то оно, на наш взгляд, не заняло по отношению к Октябрьской революции враждебной позиции, скорее, ее можно назвать выжидательной или даже враждебно-выжидательной...»

Нет больше ни чинов, ни званий, все ордена и знаки отличия отменяются. Большевики, вслед за свергнутым ими же Временным правительством, продолжают уничтожать старую армию. Публикуются декреты Совета народных комиссаров «Об уравнивании всех военнослужащих

«Солдат и офицеров, погибших в боях Первой мировой, можно считать очень счастливыми людьми. Они не дожили до Гражданской войны. Этим людям посчастливилось не выбирать...»

в правах» и «О выборном начале и об организации власти в армии». Все полномочия отныне переходят солдатским комитетам, а «командиры до полкового включительно избираются общим голосованием».

Уже льется кровь, и сброшен на солдатские штыки Верховный главнокомандующий русской армией генерал Духонин. Начались раскол и мятеж, появились Корнилов, Каледин и Краснов. На фронте — безвластие. Огромная «отдемократизированная» армия выдавливает из своих рядов «лишних». Не у дел в первую очередь оказываются кадровые офицеры, без работы, пенсии и надежд на будущее. И нет у них другого образования, кроме военного.

ПЕРВЫЕ «КРАСНЫЕ ОФИЦЕРЫ»?

Но наступает февраль 1918-го. Германия и Австро-Венгрия нарушили перемирие и начали наступление по всему Восточному фронту. На Северо-Западе занят Псков, и либеральная общественность ждет со дня на день немцев в Петрограде. Разложенная 1917 годом армия сдает территории практически без боя.

Нас десятками лет приучали к мысли, что Петроград отстояли плохо вооруженные отряды рабочих-добровольцев под едва ли не личным руководством Ленина. Историк Александр Кавтарадзе был одним из тех, кто начал расставлять все по своим местам: «22 февраля (1918 года. — Авт.) по

Александр Георгиевич Кавтарадзе, военный историк

вызову Совнаркома в Петроград из Могилева специальным поездом прибыли 12 бывших генералов и офицеров Ставки во главе с начальником штаба верховного главнокомандующего бывшим генералом Генштаба М. Д. Бонч-Бруевичем (бывшие генералы Генштаба С. Г. Лукирский, А. С. Гришинский, Н. И. Ратгэль, Н. А. Сулейман, М. М. Загю и др.). [...] ...Командующим советскими войсками на Псковском направлении был назначен бывший полковник Генштаба Й. Г. Пехливанов; Финляндского, Нарвского и Перховского районов — бывшие генералы Генштаба Д. Н. Надежный, Д. П. Парский и Ф. А. Подгурский; инженерную оборону Петрограда возглавил бывший генерал К. И. Величко».

Просто имена? Наверное. Между тем почти все эти люди в лихолетье выбрали Россию и Красную армию. Служили достойно, несмотря на периодически появлявшиеся сомнения «пламенных большевиков» в целесообразности военспецов в армии.

В конце 30-х многие из бывших генералов и офицеров, выросшие в Республике Советов до комбригов, комдивов, командармов, найдут свою смерть на расстрельных полигонах. Их все-таки объявят «врагами народа».

Некоторым посчастливится не только избежать репрессий, но и снова защитить Родину. Судьба бывшего полковника Царской армии, начальника Генерального штаба РККА, заместителя наркома обороны, маршала Советского Союза Бориса Михайловича Шапошникова — одно из самых характерных тому подтверждений.

СРАЖАТЬСЯ БЕЗОГЛЯДНО!

Судьба полковника Йордана Георгиевича Пехливанова, окончившего Императорскую Николаевскую военную академию годом раньше Шапошникова, сложилась иначе. Он один из тех людей, благодаря которым в нашей истории состоялся праздник, который сегодня называется День защитника Отечества. Почему? В 1918-м Пехливанов — организатор обороны на псковском направлении.

Болгарский офицер, в начале 1900-х поступивший на службу в русскую армию. Прошел всю Первую мировую. Кстати, его родная Болгария в той войне была союзницей Германии. После революции вступил в РККА. В феврале 1918 года без долгих сомнений принял предложение возглавить оборону на псковском направлении. Оборона? Да! Но это всего несколько наспех сформированных эшелонов из добровольцев и частей старой армии, еще не окончательно деморализованных. И неукротимая энергия самого Пехливанова, сумевшего подчинить солдат своей воле.

Навстречу эшелонам Пехливанова, в тыл, бредут такие же солдаты. Они бросили фронт

Война будет повторяться до тех пор, пока вопрос о ней будет решаться не теми, кто умирает на полях сражений.

А. Барбюс

Полковник Йордан Георгиевич Пехливанов

Яков Александрович Слащов при выпуске из академии. 1911 год

на произвол судьбы. На предложение задержать, вернуть их на поле боя Пехливанов ответил: «Воевать они не будут. Лишний балласт. Нам нужны преданные, боевые, надежные».

В его отрядах не больше полутора тысяч человек. Это вовсе не монолит. Скорее, «броуновское движение». Отряды то пополняются новыми силами, то теряют десятки человек убитыми «по собственному желанию». Защита Родины теперь — дело исключительно добровольное.

В этой «эшелонной», «летучей» войне неожиданностью для немцев стал именно факт сопротивления: неужели русские еще способны атаковать? Оказалось, способны — зло, изобретательно, постоянно беспокоя передовые заставы противника и сбивая его аэропланы. В тылу немцев Пехливанов успел организовать даже партизанские отряды.

Боевые действия закончились в начале марта: большевики на условиях противника подписали Брестский мирный договор, означавший поражение России в Первой мировой войне.

Историки давно сняли идеологическую шкуру с праздника 23 Февраля. Особых побед красноармейцев не наблюдалось. Да и армии как таковой не было — лишь несколько сотен военных, показавших, что в самой отчаянной ситуации сдаваться они не намерены. Командо-

ЧЕСТЬ СЯТЫНЯ ОФИЦЕРА, ОНА — ВЫСШЕЕ БЛАГО, КОТОРОЕ ОН ОБЯЗАН ХРАНИТЬ И ДЕРЖАТЬ В ЧИСТОТЕ. ЧЕСТЬ — ЕГО НАГРАДА В СЧАСТЬЕ И УТЕШЕНИЕ В ГОРЕ.

М. С. Галкин

вал ими русский офицер болгарского происхождения, бывший полковник Йордан Пехливанов.

Наступление немцев зимой 1918 года заставило определиться некоторых офицеров из категории «выжидающих». Александр Георгиевич Кавтарадзе писал: «Это подтверждают и сведения, опубликованные в печати того времени: «Запись офицеров в ряды Советской армии принимает широкие размеры, и уже сейчас предложение значительно превышает спрос. Устанавливается очередь по всем родам оружия. Записывается не столько молодежь, сколько старые офицеры, представляющие рекомендации войсковых организаций». Выбирая между защитой Родины и цветом флага, они становились красными и оставались русскими...

СУДЬБА ОФИЦЕРА

И опять — исключение из правил! Вроде бы карьера военспеца Пехливанова в Красной армии складывается благополучно. В августе 1918-го он вступает в командование Петроградской группой войск. Но в конце сентября Пехливанова у красных уже нет. Есть рапорт: «Только что получил известие о чрезвычайно тяжелом положении моей семьи, которую не видел в течение года. Ввиду воспрещения отпусков и длительности хлопот по выезду, вынужден нелегально отправиться без промедления на выручку своих близких, о чем и доношу Военсовету». Семья оказалась в Крыму. Путь к семье лежит через службу в белой армии генерала Деникина. Год спустя Пехливанов вместе с женой и дочерью вернется в Болгарию. Гражданская война в России для него закончится.

Для десятков тысяч других русских офицеров она продолжалась. Сегодня считается, что из всего 250-тысячного офицерского корпуса старой русской армии против Советской России воевало около 40% бывших генералов и офицеров. Примерно 30%, напротив, вступили в ряды Красной армии. Еще столько же не сочли для себя возможным участвовать в братоубийственной войне.

П. Рыженко. Царские погоны (№ 1 из Триптиха «Русский век»). 2007 год

ВЫБОР БЕЗ ВОЗМОЖНОСТИ ВЫБОРА?

Доктор исторических наук Андрей Владиславович Ганин — один из самых известных современных исследователей нашей военной истории. Стремясь к объективности, своими работами Ганин плохо вписывается в привычные стереотипы: для белых он слишком «красный», и наоборот. Кстати, историю жизни полковника Пехливанова скрупулезно восстановил именно Ганин.

— После 1917 года у русского офицерства был выбор? Правы ли были те, кто все равно выбрал Родину — большую, «чумную», красную?

— Возможно, одна из самых больших загадок в том и состоит, почему наш некогда единый офицерский корпус оказался по разные линии фронта гражданской войны. Я установил, например, что каждый третий военспец-генштабист Красной армии дезертировал к белым или в национальные армии — польскую, финскую, прибалтийские, украинские. Был и обратный процесс, особенно когда красные начали побеждать: бывшие белые офицеры вступали в РККА.

Сегодня существует точка зрения: военная элита России тех лет оказалась в ситуации выбора без выбора. К кому бы человек ни примкнул, он все равно оказывался не в том положении, на которое рассчитывал. Во всех без исключения белых армиях существовал целый клубок разногласий и конфликтов — и политические мотивы, и борьба за власть.

У красных бывшие офицеры оказывались в заведомо подчиненном положении. Становились обслугой, придавленной политорганами. А ведь еще недавно — в императорской России — офицерство было элитой общества.

Парадокс в том, что в Красной армии без офицеров, как бы ни пытались их унижить или даже изгнать, обойтись не могли. Без профессионалов вооруженные силы создать невозможно. Тем не менее Ленин периодически высказывал сомнения в целесообразности массового привлечения офицеров. Дескать, сами справимся. Противником дилетантского подхода к военному делу был Троцкий, который убеждал в обратном: без профессионалов не победить.

Политорганы — институт комиссаров — жестко отслеживали деятельность военных специалистов. Чтобы не было стимула перебежать к противнику, их семьи, по сути, объявлялись заложниками. Справедливости ради стоит сказать, что это обещание не исполнялось. Но на уровне декларации звучало угрожающе.

Ганин Андрей Владиславович, доктор исторических наук

Были военспецы, успевшие послужить в Красной армии дважды — с перерывом на службу у белых...

— В таких случаях репрессии были неизбежны? — Примеры разные. Например, колчаковский генерал Аполлон Яковлевич Крузе в конце Гражданской войны оказался у красных. Причем факт службы у Колчака ему удалось скрыть. Более

Военная элита России тех лет оказалась в ситуации выбора без выбора. К кому бы человек ни примкнул, он все равно оказывался не в том положении, на которое рассчитывал.

того, данные этого периода его службы каким-то образом были заменены на прямо противоположные: мол, служил в это время у красных. В итоге Крузе ни разу не подвергался репрессиям, вступил в партию, прошел Великую Отечественную и дослужился до советского генерала. Но это — уникальный случай.

— Герой исследований Кавтарадзе, знаменитый генерал Слащов, белый «вешатель и палач», в итоге тоже выбрал Родину. Чтобы через несколько лет без следа сгинуть...

— Возвращение Слащова в Советскую Россию — это результат не только его личного решения, но в первую очередь хорошо проведенной спецоперации чекистов. Именно ЧК через свою агентуру в Константинополе длительное время обрабатывала генерала, готовила возвращение.

Вернувшись, Слащов оказался под плотным контролем. Есть материалы, свидетельствующие

щие, что он был секретным осведомителем органов госбезопасности и, вернувшись в Россию, доносил на своих товарищей. Этот факт нельзя ставить ему в вину: не он один был вынужден идти на такое «сотрудничество». К середине 20-х годов контролировались все бывшие офицеры. Мне попадались документы, из которых ясно следовало: в компании из трех человек двое оказывались осведомителями.

— Вы, историк, можете объяснить целесообразность тотального контроля?

— В определенной степени в советских условиях он был необходим: не было элементов более подозрительных и потенциально нелояльных большевикам, чем бывшие офицеры. Если посмотреть на события Гражданской войны, с многочисленными изменами, с последующим ожесточенным противостоянием советских спецслужб и белой эмиграции, то удивляться нечему. Вспомните операцию «Трест»!

Да, контроль оказался во многом избыточным. Органы буквально провоцировали офицеров вступать в вымышленные антибольшевистские организации, действуя на упреждение. С другой стороны, ни одной по-настоящему серьезной антисоветской организации в нашей стране после Гражданской войны бывшие офицеры так и не создали. Все пресекалось на самом раннем уровне.

— В Гражданскую войну работали ли белые разведчики в руководстве РККА?

— Да. У белых были очень серьезные агенты в красных штабах.

— И наоборот?

— Наоборот не было. Из-за популярности антибольшевистских идей. Высокопоставленные офицеры оказались в привычном для них лагере и, получается, на своем месте. Многие воспринимали продолжение службы у белых как нечто естественное. Большевиков же традиционно считали немецкими шпионами и предателями.

До революции многие вещи, проделываемые большевиками, были просто немыслимы. Например, в 1919 году по решению Ленина арестовали советского главкома Иоакима Вацетиса, бывшего полковника старой армии. В свое время его назначение предшествовали размышления Ленина: «А не назначить ли нам главкомом Вацетиса?» Через короткое время он высказывал другие мысли: «А не расстрелять ли нам Вацетиса?» Основание для ареста — участие в сфабрикованном заговоре. Три месяца заслуженный перед советской властью человек провел в тюрьме ни за что. Обвинения в итоге были сняты, но в должности Вацетиса так и не восстановили.

”

ВСЕ ВОЙНЫ НА СВЕТЕ — ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ:
ЧЕЛОВЕК ПРОЛИВАЕТ КРОВЬ ЧЕЛОВЕКА.

Ф. Фенелон

“

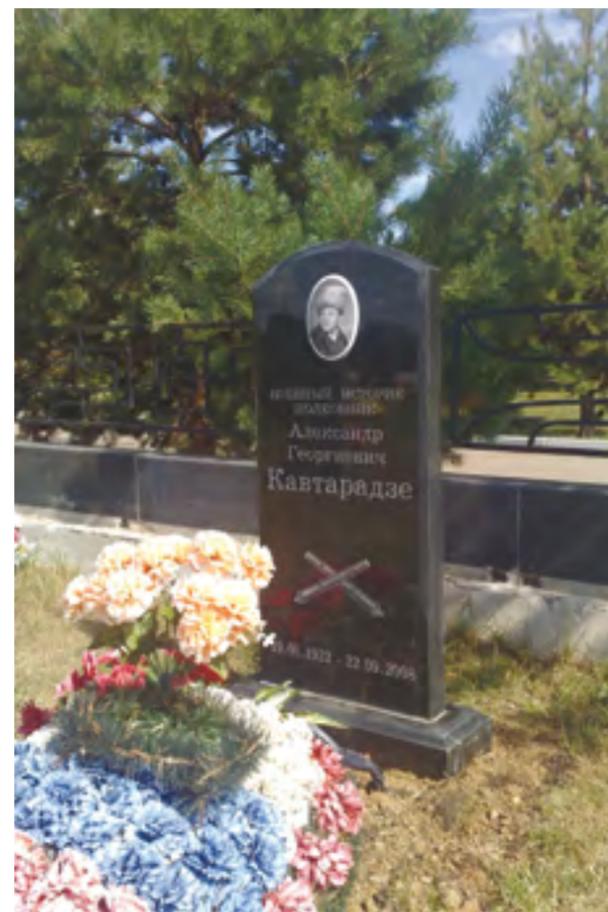

Советский генерал,
бывший колчаковский
генерал Аполлон Яковлевич
Крузе

Красный террор вкупе с подобной «чехардой» не мог не сказаться на настроении офицеров. Поэтому и бежали. К белым чаще. Но и в Красную армию — отнюдь не единично.

— Самые частые мотивы?

— В последние годы появилась такая точка зрения: офицеры только и делали, что бегали

Могила военного историка
Александра Георгиевича Кавтарадзе
на Перепечинском кладбище
под Москвой

Советский главком,
бывший полковник Императорской
армии Иоаким Иоакимович Вацетис

от кормушки к кормушке. Она ошибочна. Мотивы — понятие всегда индивидуальное. Были и конъюнктура, и разочарования, и патриотизм. Например, в период Советско-польской войны офицеры стали массово записываться в Красную армию. И даже служившие в армии Врангеля поднимали бокалы просто за то, чтобы красные поскорее разбили поляков и вошли в Варшаву.

В Государственном архиве РФ мне попались воспоминания, в которых приводится диалог 1920 года между офицерами Белой армии, оказавшимися в итоге у красных: «Нет, не денкиницы соберут русскую землю... мы соберем... Увидите, скоро пойдем за Грузией и Арменией...»

Очень скоро красные отправились воссоединять бывшие территории страны. Это оказалось близко офицерству, воспитанному именно в имперских традициях. Поэтому к концу войны красные имели неплохой имидж в глазах части русского офицерства.

ЗА ОТЕЧЕСТВО

Видимо, герой обороны Крыма от большевиков, а позже — красный военспец, Яков Слащов принадлежал именно к этой категории военных. В своих воспоминаниях причину личной трагедии он сформулировал четко: ему осталось только Отечество. Оно оказалось красным... Его убили в 1929 году. Преступник Лазарь Коленберг на следствии уверял, что отомстил за гибель своего брата, повешенного Слащовым во время Гражданской войны. Коленберга признали невменяемым и отпустили. Тело Якова Слащова сожгли в Донском крематории.

Военный историк, полковник Александр Георгиевич Кавтарадзе, вернувший нам имена сотен военных специалистов, прожил долгую жизнь. «Небожитель», лично когда-то знакомый с последними оставшимися в живых офицерами старой русской армии...

Андрей Ганин рассказывает, что свои лекции Кавтарадзе читал негромким ровным голосом — как в повседневной жизни. Одет был всегда в защитного цвета френч, какие носили военспецы. Призывая аудиторию к тишине, спокойно общал, что командовал полком и в случае чего сможет навести порядок. «Он сроднился с героями своих трудов, — рассказывает Ганин. — И на лекциях мы буквально чувствовали эту преемственность».

Он ушел тихо и незаметно. Через несколько лет после кончины Кавтарадзе выяснилось: на могиле нет памятника. «Пришлось пускать шапку по кругу, — говорит Андрей Ганин. — Собрали деньги. Памятник удалось поставить хороший — в стиле эмигрантских военных некрополей». ☹

© Из личного архива А. В. Ганина

© Журнал «Родина»